

Су Чжохуа сжимал в руках раскаленный смартфон, его пальцы машинально поглаживали кнопку завершения вызова.

Короткие гудки в трубке, словно тонкие иглы, вонзались в уши, вызывая острую боль.

Он уставился на гаснущий экран, и взгляд его постепенно тяжелел.

Этот человек никогда не сбрасывал его звонки, а сегодня — неслыханное дело — взял и прервал связь!

Маленькая Черепашка, заметив это, завращала глазками-бусинками. Решив, что сам бог велел воспользоваться моментом, она принялась подливать масла в огонь:

— Я же говорил, что самое важное — найти хозяина! Любовь — такая штука, что даже собаки от нее шарахаются!

— Сегодня он посмел сбросить твой звонок, а завтра начнет воротить нос. Смотри, как бы он не стал вертеть тобой, как тестом для клецок: захочет — скатает в шарик, захочет — расплющит!

— К тому же, пока нет официального статуса, лучше поскорее остыть.

— Собирайся-ка лучше и отправляйся на поиски хозяина.

Лицо Су Чжохуа помрачнело настолько, что, казалось, с него вот-вот закапает вода. Не выдержав, он бросил:

— Заткнись.

Маленькая Черепашка втянула голову в панцирь и тут же умолкла, застыв неподвижно, словно обычное каменное украшение.

Су Чжохуа смотрел на свои бледные тыльные стороны ладоней, погрузившись в оцепенение.

Как ни крути, а тело его все такое же болезненное.

Он обернулся на притихшую в углу Маленькую Черепашку. Хотя с виду этот зверек не обладал никакими выдающимися способностями — да и правду сказать, их у него почти и не было, а духовная сила была слабой, как у светлячка, — но все же именно благодаря этой крохе ему удавалось поддерживать жизнь в своем теле.

Подумав еще немного, Су Чжохуа стиснул зубы и принял решение: возвращаюсь на родину!

В этот раз он вернет себе все, что ему принадлежит.

Решив так, он принялся собирать вещи.

Маленькая Черепашка прослезилась от умиления:

— Чжохуа, ты такой хороший, хозяин тебя обязательно запомнит.

— Зачем твоему хозяину меня помнить? Я к Цзян Яньцы собираюсь.

— ...

Маленькая Черепашка чуть не захлебнулась кровью от досады.

Отвернувшись, она дрожащей лапкой записала в блокнотик:

Персиковый дух — двуличный тип. Морочит голову Небесному Императору, саботирует задание, в мире людей предается разврату — не остановить.

Цзян Яньцы был другом детства Су Чжохуа. Даже после того, как Чжохуа отправили за границу, они продолжали общаться каждый день.

Самолет прорезал небеса, и вот Чжохуа, катя чемодан, уже стоял перед виллой Цзян Яньцы.

Резные железные ворота медленно отворились. Увидев гостя, дворецкий почувствовал, как по затылку пробежал холодок.

Однако многолетняя профессиональная выучка помогла ему быстро скрыть смущение. Улыбка, словно маска, застыла на лице, и он слегка поклонился:

— Молодой господин Су, как вы вернулись? Не предупредили заранее, мы бы все подготовили.

Чжохуа приподнял бровь, уголки его губ тронула едва заметная усмешка:

— Захотел и вернулся, разве нельзя?

Улыбка дворецкого на мгновение стала натянутой, он поспешно засуетился:

— Что вы, господин Су, вы можете приходить когда угодно! Проходите, я провожу вас внутрь.

Дворецкий понимал: этот молодой господин — самое дорогое сокровище для господина Цзяна, и допустить хоть малейшую оплошность нельзя.

Пока он вел Чжохуа внутрь, катя чемодан, сердце у него колотилось.

Господин Цзян завел себе на стороне немало людей. На первый взгляд они совсем не были похожи на Чжохуа, но если присмотреться, то всегда находилась какая-то неуловимая схожесть.

Если господин Су узнает, что Цзян перевернул весь город N вверх дном, лишь бы найти хоть какие-то тени, напоминающие его самого, — не поздоровится же всем!

Чжохуа, как-никак, был духом персикового дерева, и его внешность и стать были единственными в своем роде даже на небесах. В мире людей второго такого точно не найти.

Дворецкий почтительно разместил Чжохуа в гостевой спальне, дождался, пока тот приляжет, и, тихонько прикрыв дверь, забежал по углам, как муравей на раскаленной сковороде. Дрожащими руками он достал телефон.

Найдя номер Цзян Яньцы, он нажал вызов. Как только трубку сняли, он понизил голос, и от волнения его тон изменился:

— Господин Цзян, молодой господин Су вернулся. Говорит, хотел сделать вам сюрприз.

На том конце послышался шорох одежды. Цзян Яньцы, не раздумывая, оттолкнул человека,

находившегося рядом, и невольно повысил голос:

— Чжохуа вернулся в страну? Следи за ним, не давай ему никуда уходить! Я буду дома сегодня вечером!

Цзян Яньцы хотел было уйти, но резко остановился. Взглянув на Бай Ючуаня ледяным взглядом, он произнес тоном, не терпящим возражений:

— В это время не попадайся мне на глаза и не звони. Если узнаю, что ты хоть как-то испортил настроение Чжохуа, сам знаешь, что будет.

Бай Ючуань слегка вздрогнул, лицо его мгновенно побледнело. Глядя в спину уходящему Цзян Яньцы, он затаил обиду, но возразить не посмел, лишь молча опустил голову.

Несколько дней назад, когда Цзян Яньцы был в душе, звонок, который он пропустил, принял Бай Ючуань.

Он смотрел на мерцающий экран, где надпись Любимый малыш вонзилась в сердце, словно шип.

Колеблясь, он все же поддался наваждению и ответил.

Голос на том конце звучал словно маленький крючок. Всего четыре слова — Я соскучился по тебе — прозвучали холодно, но в то же время так нежно и трепетно.

Бай Ючуань замер, а затем, словно очнувшись от сна, в панике сбросил вызов.

После этого он впопыхах почистил историю звонков, боясь, что Цзян Яньцы что-то заподозрит.

Вечером Цзян Яньцы ворвался в дом, даже не переодевшись, и сразу направился на кухню.

Послышался звон кастрюль и сковородок, загудела вытяжка, и вскоре весь дом наполнился ароматом жареного стейка и шкворчанием овощей.

Чжохуа, почуяв запах, подошел к кухне и увидел, как Цзян Яньцы, закатав рукава до локтей, ловко орудует лопаткой над плитой, где плясали языки пламени.

— Садись, сейчас будем ужинать, — не оборачиваясь, бросил Цзян, ловко подбрасывая овощи. В этот момент он совсем не походил на солидного бизнесмена в строгом костюме.

Вскоре на столе появились три блюда и суп. Золотистый стейк истекал соком, чесночные овощи аппетитно хрустели, а в томатном супе плавали нежные хлопья яйца.

Чжохуа широко раскрыл глаза и отправил в рот кусочек свиных ребрышек в кисло-сладком соусе:

— Когда ты научился готовить? Я и не знал.

— Да так, упражнялся от нечего делать, — Цзян Яньцы положил ему в чашку еще кусочек мяса, и кончики его ушей слегка покраснели. — Ешь быстрее, пока не остыло.

Они молча уплетали еду, слышался лишь легкий звон посуды. Иногда Чжохуа обжигался и

начинал дуть на еду, а Цзян Яньцы молча пододвигал ему стакан с водой, в его глазах светилась нескрываемая нежность.

Маленькая Черепашка не выдержала и засуетилась рядом, ее голос эхом отдавался в сознании Чжохуа:

— Оставь мне кусочек.

— Оставь мне кусочек!

Чжохуа, покосившись на нее, сердито щелкнул пальцами, отшвырнув подальше:

— Доешь за мной, чего ты суетишься?

Маленькая Черепашка перевернулась на спину и сердито уставилась на еду в чашке Чжохуа:

— Хм, смотри мне, не съешь все!

Чжохуа продолжал неспешно наслаждаться ужином, а Маленькая Черепашка преданно ждала рядом.

Цзян Яньцы на мгновение замер с палочками в руках и осторожно спросил:

— Почему ты вдруг вернулся? И не предупредил заранее.

Чжохуа приподнял бровь:

— Не рад моему возвращению?

— Ну что ты! — Цзян Яньцы тут же отложил палочки, его взгляд был полон тревоги. — Я был бы только счастлив, просто переживал, не устал ли ты в дороге, как твое самочувствие?

Чжохуа сердито отложил палочки и надул губы:

— Я не фарфоровая кукла, чего ты меня таким слабым считаешь!

В этот момент Маленькая Черепашка, улучив момент, пулей нырнула прямо в чашку Чжохуа и принялась жадно уплетать еду.

Цзян Яньцы, увидев это, даже вспотел от волнения и поспешил оправдаться:

— Я совсем не то имел в виду! Просто подумал, что если бы ты сказал заранее, я бы встретил тебя, чтобы ты не утруждал себя в дороге.

Он украдкой наблюдал за выражением лица Чжохуа, боясь снова сказать что-то не то.

Оправдания Цзян Яньцы постепенно сошли на нет.

Он смотрел на человека напротив, не в силах отвести взгляд.

Десять лет не виделись. Тот крошечный, изящный, словно фарфоровая куколка, ребенок вырос и стал взрослым.

Черты лица все те же, в них по-прежнему сквозила холодная отстраненность, но теперь в нем

чувствовалась какая-то хрупкость, словно он мог разбиться от одного прикосновения. От этого у Цзяна сжалось сердце.

Опомнившись, Цзян Яньцы спросил:

— А семья Су знает, что ты вернулся?

Настроение Чжохуа мгновенно упало. Внутри семьи Су царил полный хаос.

Не говоря уже о дальних родственниках, даже с единокровными братом и сестрой он был в состоянии открытой войны, они ненавидели друг друга.

Он был лишь диким персиковым цветком, выросшим на краю обрыва, который с трудом принял человеческий облик. После того как Цинь Мо забрал его на небеса, он почти не видел других небожителей.

Его характер нельзя было назвать сложным, скорее наивным. Пытаться выжить в змеином гнезде человеческих интриг для него было равносильно безумию.

А теперь он оказался один в чужой стране, больной и немощный...

Не зря говорят, что сердца людей непостижимы, он еще ни разу не вышел победителем.

Чжохуа, словно лишившись костей, бессильно растекся по столу. Его бледная щека прижалась к холодной поверхности, пряди волос беспорядочно рассыпались по лбу.

Ресницы опустились, скрывая невыразимую усталость, а голос звучал глухо, с оттенком детской обиды:

— Не хочу возвращаться, у меня от этого голова идет кругом.

В этот момент, пока он лежал на столе, телефон внезапно завибрировал.

На экране высветилось слово Дедушка. Он смотрел на него пару секунд, прежде чем медленно ответить.

— Внучок, когда ты вернулся? Почему деду не сказал? — из трубки послышался знакомый хриплый голос, и у Чжохуа защемило в груди.

— Я у Цзян Яньцы... не хочу возвращаться, — он уткнулся лицом в сгиб локтя, голос звучал приглушенно.

В трубке долгое время царила тишина. Когда Чжохуа уже подумал, что дед положил трубку, старик вздохнул:

— Не хочешь — не возвращайся, но завтра утром будь добр явиться в компанию. Понял?

Чжохуа ковырял край стола и крайне неохотно ответил:

— Да.

Положив трубку, он уставился в черный экран.

Дед Су действительно любил его: защищал, когда его обижали, сидел у кровати, когда он

болел. Он все это помнил.

Но дед больше ценил семейное дело, полагая, что борьба за наследство и укрепление позиций — это и есть истинная забота. Он не понимал, что все эти козни и интриги до ужаса пугали Чжохуа.

Чжохуа внезапно подался вперед, его теплое дыхание коснулось подбородка Цзян Яньцы.

Он наклонил голову, его глаза, подобные стекляшкам, почти соприкасались с глазами Цзяна, ресницы слегка дрожали:

— Вы, люди, все такие уставшие?

В его взгляде читалось полное недоумение.

*

На следующий день.

За окном машины небоскреб компании возвышался до небес, стеклянные панели отражали слепящий свет, заставляя его щуриться.

Он глубоко вздохнул, поправил воротник пиджака и медленно вышел из машины.

Стоило ему войти в главный офис, как сотрудники зашептались, провожая его любопытными взглядами, отчего ему стало не по себе.

— Это тот самый вице-президент, который свалился с неба?

— Что за человек?

— Да какая разница, с таким видом, будто он дышит через раз, разве он сможет тягаться с нашими акулами?

— Сомневаюсь.

— Эх, жалко этого болезненного красавчика.

...

Каждая секунда подъема в лифте казалась бесконечно долгой.

Раздался звонок, двери открылись, и не успел Чжохуа сделать шаг, как в него полетела пачка документов.

Бумаги разлетелись по полу. Он удивленно поднял голову и увидел старшего брата Су Еюя, который, скрестив руки на груди, с многозначительной усмешкой произнес:

— О, неужели наш вице-президент? Ходишь и под ноги не смотришь?

Не успел Чжохуа открыть рот, как вторая сестра Су Цинцин, грациозно ступая на высоких каблуках, подошла ближе, в ее глазах читалась насмешка:

— Только пришел, а уже такой неуклюжий, как ты собираешься управлять компанией? — она

небрежно пнула документы носком туфли.

— Я вице-президент, так что убирайте это, — спокойно сказал Чжохуа.

— На что это похоже.

— Семья Су рано или поздно разорится из-за вас.

Су Еюй: ...

Су Цинцин: ...

Вокруг слышались вздохи изумления.

С трудом добравшись до кабинета, Чжохуа не успел даже сесть, как секретарша принесла огромную стопку бумаг:

— Господин Су, это документы, которые нужно обработать сегодня.

Стопка была такой высокой, что почти закрывала обзор.

— Я вице-президент, найди кого-нибудь свободного и распредели между ними эту работу, — безразлично сказал Чжохуа.

Секретарша растерялась:

— А? Но это же секретные документы компании.

— Отнеси их Су Еюю, ну и той, второй, Су Цинцин.

— Раньше компания без меня не работала, что ли? Что за дела, я только пришел, а уже стал ядром управления? Если я не буду шевелиться, компания что, встанет?

Секретарша обливалась потом.

Но даже без бумажной работы дел хватало.

Весь день Чжохуа провел в суете. Звонки следовали один за другим, совещания сменяли друг друга. Брат и сестра то и дело заходили выразить свою заботу, суть которой сводилась к попыткам насолить.

Когда он наконец закончил, на улице уже совсем стемнело.

Чжохуа бессильно откинулся на спинку кресла, глядя на неоновые огни за окном, и на него нахлынули обида и усталость.

Он достал телефон и набрал деда. Стоило услышать знакомый голос, как слезы сами собой покатались из глаз:

— Дедушка... я не хочу здесь оставаться, тут нет никакого вызова, я хочу в филиал.

— В самый маленький филиал, в филиал филиала.

— Только в самых трудных условиях можно проявить себя по-настоящему.

На том конце наступила пауза, затем дед Су вздохнул:

— Эх, внучок, не обязательно так от меня отмахиваться. Ты должен верить, что дед устроил все так, чтобы ты избежал ошибок. Но раз не хочешь там оставаться, иди в филиал филиала. Тренируйся хорошенько, не разочаруй деда.

— Если не справишься — вернешься на пост вице-президента, понял?

— Да, дедушка, обещаю выполнить задание, люблю-люблю-люблю, очень сильно тебя люблю! — глаза Чжохуа мгновенно засияли.

Дед Су расхохотался, довольный как никогда.

<http://bllate.org/book/18787/1824501>